

DOI: 10.18721/JHSS.12301
УДК 13

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС ЦЕННОСТЕЙ: ВЫЖИВАНИЕ ИЛИ САМОВЫРАЖЕНИЕ

Н.Ф. Рахманкулова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Автор исследует основания и перспективы наметившегося в мире ослабления ценностей самовыражения и реванша ценностей выживания. Она расценивает этот реванш как неадекватный ответ на угрожающий экзистенциальной безопасности миллионов людей кризис, возникающий при переходе социума на стадию общества искусственного интеллекта. Лучшие плоды таких перемен достаются новой элите, а их негативные эффекты больше затрагивают остальных людей. Отсюда – обострение социальных конфликтов, рост социального недоверия, падение привлекательности свободы и общечеловеческой солидарности. В поисках положительного ответа на этот вызов автор рассматривает результаты мультидисциплинарных исследований ценностей и счастья и видит выход в осознанной и системной реализации ценностей самовыражения как приоритетных. Она считает целесообразным применение, для оценки направленности глобальных процессов, гуманитарного критерия общественного прогресса, предложенного П.В. Алексеевым. Приверженность ценностям свободы, доверия, культурного многообразия и личного достоинства, по ее мнению, в наибольшей степени отвечает целям укрепления безопасности, роста счастья и совершенствования современного общества.

Ключевые слова: ценности, выживание, самовыражение, свобода и счастье, доверие, COVID-19, гуманитарный критерий прогресса.

Ссылка при цитировании: Рахманкулова Н.Ф. Современный кризис ценностей: выживание или самовыражение // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 3. С. 7–19. DOI: 10.18721/JHSS.12301

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

CONTEMPORARY CRISIS OF VALUES: SURVIVAL OR SELF-EXPRESSION

N.F. Rakhmankulova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

The author explores the reasons and prospects of the emerging weakening of the values of self-expression and retaliation of survival values in the world. She regards such revenge as an inadequate response to the crisis, arising from the transition to the stage of artificial intelligence society and threatening the existential security of millions of people. The best fruits of such changes go to the new elite, and their negative impact largely affects the rest of the people. Hence the escalation of social conflicts, the growth of social mistrust, the decline in the attractiveness of freedom and universal solidarity. In search of a positive response to this challenge, the author considers the results of multidisciplinary research on values and happiness, seeing a solution in the deliberate and systematic implementation of the values of self-expression as a priority. She puts forward the idea of the expediency of applying the humanitarian criterion of social progress, previously proposed by P.V. Alekseev, for assessing the direction of global processes. In her opinion, adherence to the values of freedom, trust, cultural diversity

and personal dignity is most consistent with the goals of strengthening security, increasing the happiness and improving present society.

Keywords: values, survival, self-expression, freedom and happiness, trust, COVID-19, humanitarian criterion of progress.

Citation: N.F. Rakhmankulova, Contemporary crisis of values: survival or self-expression, Society. Communication. Education, 12 (3) (2021) 7–19. DOI: 10.18721/JHSS.12301

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

В наше время в мире усиливаются различного рода кризисные процессы, часть из которых представляет собой реальную угрозу экзистенциальной безопасности большинства жителей планеты, как это происходит сейчас в условиях пандемии COVID-19. Идут поиски способов выхода из полосы потрясений, в связи с чем ставятся под сомнение прежние ценностные приоритеты. Особую остроту приобретает давний вопрос о том, есть ли необходимость жертвовать свободой ради безопасности. Еще десять лет назад многие исследователи динамики ценностей полагали, что этот вопрос теряет актуальность, поскольку наблюдали тенденцию к увеличению безопасности там, где расширились возможности свободы.

Ученые, прослеживающие, в рамках проекта «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey – WVS), глобальные ценностные изменения, отмечают, что со второй половины XX в. наблюдается устойчивый рост влияния ценностей свободы и личности в мире. Они рассматривают этот рост как характеристику и фактор перехода к новому, постиндустриальному этапу развития социума, к обществу знания. В ходе реализации проекта WVS обзоры делаются на регулярной основе с начала 80-х гг. прошлого века. Сейчас исследование охватывает большие массивы сведений по 105 странам, где живет 9/10 населения планеты [1]. Идейные основания и обобщение промежуточных результатов работы обстоятельно представлены в трудах ведущих теоретиков проекта – Р. Инглхарта и К. Вельцеля [2–4]. Они выдвинули концепцию модернизации, согласно которой развивающееся человеческое общество проходит ряд этапов, каждый из которых приводит к характерным для него изменениям в мировоззрении людей. В социумах, переходящих на стадию постиндустриального общества знаний (а это – наиболее развитые в социально-экономическом отношении страны), самые существенные изменения происходят на оси «ценности выживания – ценности самовыражения». По мере того как все более обеспеченной для большинства населения становится экзистенциальная безопасность, экономическая и социальная защищенность, уменьшается значимость ценностей выживания, увеличивается привлекательность «постматериалистических» целей, наиболее соответствующих ценностям самовыражения [1].

Для ценностей выживания характерны: приоритет экономической и физической безопасности, низкая оценка свободы и прав человека, склонность к подчинению внешним авторитетам, к патернализму; социально-политическая пассивность, ксенофобия, нетерпимость к меньшинствам, к инакомыслию. Ценностям самовыражения присущи противоположные качества: приоритет личной автономии и самореализации, высокая оценка свободы и прав человека, гендерного равенства, защиты окружающей среды; отсутствие покорности по отношению к внешним авторитетам, социально-политическая активность, терпимость к меньшинствам и инакомыслию, одобрение культурного и религиозного многообразия в целом [4, с. 65–68].

Важнейшее место среди ценностей самовыражения принадлежит «эмансипационным» ценностям – свободе образа жизни, личной автономии, равенства возможностей и учета мнения граждан при принятии общественно значимых решений [1]. Авторы концепции подчеркивают центральное положение личной свободы среди ценностей самовыражения, утверждая, что они

в совокупности «отражают эмансипационные и гуманистические этические принципы, делающие упор на личную независимость и свободу выбора» [2, с. 87]. Эмансипационные ценности составляют «ключевой культурный компонент более широкого процесса расширения прав и возможностей человека». Приверженность этим ценностям меняет «жизненную стратегию людей, центр усилий перенаправляется от обеспечения достойного прожиточного минимума к самостоятельной активности человека», что «затрагивает целые общества» и ведет к «повышению общего уровня субъективного благополучия» [1].

Однако к концу текущего десятилетия обнаружился сбой в продвижении в мире ценностей самовыражения и наметился поворот к реабилитации ценностей выживания. Руководители проекта WVS видят в этом угрозу попятного движения в развитии социума, сужение перспектив гуманизации современного общества. Р. Инглхарт находит, что ослабление позиций ценностей свободы и самореализации личности есть культурный откат [4, с. 244–249].

Отметим, что молодые россияне, как показывают исследования 2020 г., в ценностном отношении сейчас также находятся «под своеобразным перекрестным воздействием, что отражается в сложной комбинации присущих им ценностей выживания и самовыражения, в парадоксальной значимости для них ценностей свободы и прав человека с ожиданиями их реализации со стороны государства» [5, с. 28].

Цель исследования

Обозначенная выше тенденция к восстановлению приоритетности ценностей выживания ставит перед социально-гуманитарной мыслью ряд проблем. Наиболее общая и философски значимая из них, на мой взгляд, может быть выражена следующими вопросами. Является ли ослабление притягательности целей свободы и личностного роста частью возврата к нормальному ходу общественных процессов, благоприятно для них, или же, наоборот, представляет собой отклонение от основной линии поступательного развития человека и общества, и идет им во вред, перечеркивая важнейшие культурные достижения предшествующих десятилетий? Заостряя проблему, скажем: не стоим ли мы на пороге кризиса гуманистических ценностей, подобного тому, который привел к катастрофам первой половины XX в. И если это действительно поворот к худшему, то каковы возможности противодействия ему?

Работа направлена на выявление содержания и основных факторов современного ценностно-кризиса, рассмотрение перспектив выхода из него в контексте представлений о смысле исторического прогресса.

Теоретико-методологическая основа исследования

Положения данной статьи идут в русле традиции, восходящей к этическим и социально-политическим взглядам Аристотеля, в соответствии с которыми уровень совершенства отдельного человека и общества определяется степенью реализации ими целей счастья (эвдемонии) и целей свободы. Рассмотрение также опирается на развитое в классической немецкой философии диалектическое понимание культурно-исторической природы человека. В частности, на идеи Канта о ценностной антиномичности человека и культуры, о том, что в ходе совершенствования человеческого рода неизбежны конфликты между цивилизационной составной культуры («культурой умений») и собственно культурной, личностно-гуманистической, преимущественно нравственной, ее стороной («культурой воспитания»). В наследии просветительской мысли представляется особенно значимой гуманистическая трактовка смысла исторического прогресса, проявляющегося в расширении возможностей для самореализации каждого человека. Производя отбор и осмысление материалов исследования, автор ориентируется на концепцию П.В. Алексева о трехфазовом познавательном цикле в философии – фактуальном, теоретическом и праксеологическом. При разработке проблематики статьи применяется сочетание нескольких подходов, в основном, – аксиологического, диалектического и герменевтического.

Рост притягательности ценностей выживания

Чтобы начать поиски ответов на эти вопросы, надо сначала прояснить ситуацию с отмеченными ценностными трансформациями, а также с причинами изменений в их направленности.

Очевидным свидетельством поворота к ценностям выживания в последние годы стал рост влияния политических партий, движений и лидеров, чей курс отличается сочетанием черт авторитаризма, популизма, национализма, традиционализма и ксенофобии. Процесс затронул Францию, Италию, Германию, Австрию, США и ряд других стран. Даже в относительно спокойной Северной Европе, как отмечает специалист по этому региону Н.С. Плевако, правый популизм превратился во «влиятельную общественно-политическую силу», что отражает «глубинные процессы в социально-экономической и политической жизни северных стран» [6, с. 68]. Показательна в этом отношении Финляндия — одна из самых свободных и благополучных стран мира. Тем не менее, в этом процветающем обществе с 2011 г. идет заметное увеличение числа сторонников право-популистской партии «Истинные финны». Она выступает за ужесточение миграционной политики, поддержку традиционной семьи, ограничение «политкорректности», уменьшение позитивной дискриминации и расширение независимости от Евросоюза и НАТО. Эта партия стала второй на парламентских выборах 2019 г., хотя ее нынешний председатель (с 2017 года) Юсси Халла-ахо, «зарекомендовал себя ярким националистом, выступавшим против мусульман и некоторых этнических групп и ратуящим за ужесточение финской иммиграционной политики» [7, с. 27].

Очевидно, что усиление позиций ценностей выживания, важнейшая из которых — безопасность, вызвано новыми факторами, серьезно угрожающими настоящему и будущему благополучию значительной части жителей стран мира, включая развитые. Среди этих угроз, отмечаемых исследователями, наиболее существенны, на мой взгляд, три взаимосвязанных фактора.

Во-первых, расширение применения технологий, использующих искусственный интеллект, приводит к сокращению возможностей улучшения социально-экономического положения больших групп людей, профессии которых, в недавнем прошлом распространенные и хорошо оплачиваемые, становятся все менее востребованными в современной цифровой экономике. Информатизация обнаруживает свои негативные стороны. В частности, согласно материалам «Всемирного доклада о счастье 2019», подавляющее число опрошенных полагает, что сбор больших данных о них в целом идет им во вред, но при этом выигрывают те, в чьих руках цифровые технологии и доступ к сверхдоходам [8, с. 117–119]. Увеличивается цифровое неравенство, об опасности которого и о необходимости организованного, комплексного и глобального противостояния которому предупреждали еще в 2005 г. авторы доклада ЮНЭСКО «К обществам знания» [9, с. 24–25, 31–33, 196–205]. Вместе с цифровым неравенством стремительно растет концентрация богатства и власти в руках элит, углубляется и без того огромный разрыв между ними и основной частью социума. Наибольший выигрыш от технологий и глобализации получает очень узкий слой новой элиты, тогда как их отрицательные последствия затрагивают главным образом всех остальных.

Большинство людей воспринимает такие перемены как угрозу своему благополучию. Речь идет не только об ухудшении их материального положения, но и о потере их влияния на ход общественных процессов. Это означает ослабление двух других, внутренне взаимосвязанных, факторов благополучия — свободы, вследствие сужения возможности человека контролировать свою жизнь, и доверия внутри социума.

Этнограф и политолог Э.А. Паин приводит убедительные доводы в пользу того, что рост национал-популизма является выражением кризиса доверия значительной части граждан развитых стран по отношению к их политическим и экономическим элитам. Среди обстоятельств, существенных для распространения такого отношения, автор выделяет отчуждение масс от принятия решений на местном, национальном и глобальном уровне и увеличение потребности людей в утверждении своей культурной и гражданской идентичности. Он поясняет: «Популизм, при всех

его недостатках, является не столько протестом против прогресса, сколько антиэлитизмом, ответом на рост неравенства, разрыв социальных связей и другие дисфункции гражданских наций» [10, с. 37].

Во-вторых, продолжается интенсивная миграция из стран неблагополучных в самые богатые и открытые. Тяготы ее ложатся на большинство коренных жителей принимающих стран. Отток ресурсов и рабочих мест в пользу мигрантов, трудности, вызванные необходимостью приспособиться к жизни в мультикультурной среде, и самое тревожное – атаки и угрозы со стороны международного терроризма, использующего миграцию в своих целях, – все это ведет к уменьшению экономической и физической безопасности, понижению социального статуса людей, составляющих большинство населения в этих странах.

В-третьих, накапливается естественное недовольство людей, которые уже в зрелые годы сталкиваются с ломкой вековых культурных традиций, в которых они были воспитаны. Ценностные трансформации воспринимаются особенно болезненно, когда сопровождаются серьезными процессами. У многих вызывают отторжение некоторые результаты слишком резкого и не всегда корректного внедрения в массовое сознание и поведение, а также в управленческие стратегии разного уровня, норм и образцов, соответствующих ценностям самовыражения, прежде всего – толерантности к гендерным и этно-религиозным меньшинствам. Примеры тому – «перегибы» с обратной дискриминацией и, самый явный, – провал политики коммунитаризма. Как подчеркивает Э.А. Паин, не оправдал себя не мультикультурализм в целом, а один из способов его реализации – коммунитаризм, который предполагает «государственное спонсирование не столько культур, сколько общин», что на практике усугубляет изоляцию «религиозных, этнических или расовых групп» и стимулирует «новый трайбализм». Социальная защищенность членов такой общины нередко оказывается ниже, чем на родине, и они плохо интегрируются в общество принявшей их страны, что способствует радикализации молодежи внутри обособленных групп и усилению там влияния террористических организаций [11]. Вследствие таких неудач понижается доверие к ценностям самовыражения в целом, особенно среди людей старшего и среднего возрастов.

Перспективы культурного сдвига к ценностям выживания

После короткого рассмотрения причин наметившегося реванша ценностей выживания вернемся к вопросу том, насколько органичны и благоприятны они (или конкурирующие с ними ценности самовыражения) в качестве приоритетных для человека и общества. Смоделируем две противоположные позиции по этому вопросу.

Согласно первой позиции, реванш ценностей выживания благоприятен для социума в целом, поскольку означает возвращение к нормальному традиционному образу жизни. Люди избавляются от заблуждений, вызванных неадекватной реакцией на антигуманистические идейные основания режимов, приведших к потрясениям XX века. Эта реакция породила утопические программы переустройства мира, базирующиеся на слишком идеалистических представлениях о людях и об их способности реализовать в глобальных масштабах объединение народов на основе приверженности гуманистическим принципам. Перемены в мире, идущие под воздействием распространения технологий искусственного интеллекта, подъем новой элиты и новых опасностей, помогли явственнее показать бесперспективность дальнейшего продвижения ценностей самовыражения в качестве приоритетных. Вывод: надо быть реалистами, признать теоретически и практически, что преобладание ценностей выживания над ценностями самовыражения оптимально отвечает целям стабильного существования человеческого рода.

Суть второй, противоположной, позиции состоит в том, что синдром оживления ценностей выживания должен и может быть преодолен, он представляет собой временное отступление на магистральном направлении совершенствования человека, которое на современном его этапе требует приоритета ценностей самовыражения, прежде всего – свободы и личного достоинства.

Основной смысл движения на данном направлении – постепенная реализация гуманистических ценностей, приводящая к росту личного и общественного благополучия, счастья – в его субъективном и объективном понимании.

Вторая модель, в соответствии с которой преимущество и историческая перспектива признается за ценностями самовыражения, мне представляется, несмотря на ее кажущийся идеализм и «розовый» оптимизм, более основательной, чем первая. Выбор в пользу ценностей самовыражения в данном контексте опирается на ряд идей, которые, в очень упрощенном виде можно выразить следующим образом. *Рост свободы и достоинства личности есть необходимая составная роста счастья, являющегося, в свою очередь, смыслом человеческого поступательного развития, который определяет общую направленность исторического движения, по крайней мере, с Нового времени.* Этот комплекс идей, развернутых уже в эпоху Просвещения, переживший с тех пор несколько критических атак, получил подтверждение и развитие на этапе модернизации, начавшемся после Второй мировой войны и продолжающейся по сей день. Очевидно, что это стало результатом осмысления процессов, обуславливающих в этот период существенный и устойчивый подъем уровня и качества жизни в значительном числе стран на разных континентах. Показательно, что такого рода воззрения нашли отражение в программах ООН по развитию (действуют с 1965 г.) и, в частности, в концепции человеческого развития, на основе которой с 1990 г. для ООН готовятся ежегодные «Доклады о человеческом развитии»; в резолюции ООН «Счастье: целостный подход к развитию» (2011 г.); в материалах упоминавшихся выше проекта WVS, а также ведущегося с 2011 г. глобального проекта по исследованию благополучия, представляемого в ежегодных Всемирных докладах о счастье (WHR – World Happiness Reports).

Дальнейшее прояснение перспектив ценностей самовыражения нуждается в содержательном рассмотрении, во-первых, того, что понимается под счастьем, когда мы его соотносим с идеями человеческого развития, и, во-вторых, того, каким образом рост свободы связан с увеличением счастья.

Счастье, свобода и общественный прогресс

Идеи о том, что стремление к счастью, собственному и/или других людей, является фактором совершенствования человека, в уровень счастья – одним из критериев общественного прогресса, в том или ином виде принимают Дж. Локк, Д. Дидро, И. Г. Гердер, И. Кант, Л. Фейербах, Дж. Ст. Милль, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, П. А. Сорокин и другие социальные мыслители. Однако установление «ценностного веса» счастья, как цели и критерия человеческого развития, у многих из них вызывает затруднения, поскольку воспринимается как нечто неопределенное и субъективное.

Так, П. А. Сорокин в работе «Социологический прогресс и принцип счастья», рассматривая различные точки зрения по этому вопросу, находит более или менее общим в понимании счастья то, что оно есть благоденствие, довольство жизнью и противоположность страданию. Если счастье не увеличивается, то продвижение в поступательном развитии ставится под сомнение, поскольку обесцениваются все другие достижения, даже нематериальные – рост солидарности, знания, альтруизма, деятельной любви. «Следовательно, – пишет он, – все критерии прогресса, какими бы разнообразными они ни были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [12, с. 511]. Но этот принцип, согласно П. А. Сорокину, не может быть единственным критерием прогресса и должен быть дополнен другими, иначе бы пришлось признать, что жизнь самодовольного человека, чьи интересы ограничены животными радостями, лучше жизни страдающего мудреца. Кроме того, удовлетворенность чувственными наслаждениями способна стать препятствием к развитию. Довольный своим положением гедонист лишен основания «для дальнейшего прогресса и совершенствования» [12, с. 512].

Действительно, счастье, понимаемое в таком предельно суженном, сугубо гедонистическом и эгоистическом виде, не представляет большой ценности и не может быть существенным компонентом и показателем человеческого совершенства. Такому счастью соответствует столь же малое личное достоинство и малоценная свобода: «свобода *от* помех для телесных утех». Замечу, что это минимальное счастье, сопряженное с минимальной свободой и минимальным личным достоинством, вполне совместимо с ценностями выживания. Вопрос в том, можно ли считать его истинным человеческим счастьем. Из размышлений большинства философов, так или иначе затрагивающих данную тему, следует скорее отрицательный ответ на этот вопрос.

Одно из немногих исключений – З. Фрейд. Он считает, что счастье и свобода, в их чистой, изначальной интенции, соответствуют принципу удовольствия. Индивид счастлив настолько, насколько может испытывать интенсивные положительные переживания, удовлетворяя свои природные влечения, и свободен в той мере, в какой может беспрепятственно это делать. Однако это возможно лишь в очень маленькой степени. Реальность, природная и социальная, идет в разрез с принципом удовольствия, делая неосуществимой его программу. Она «вступает в противоречие со всем миром, как с макрокосмом, так и с микрокосмом» [13, с. 76]. Неизбывное недовольство культурой проистекает из того, что она, согласно Фрейду, враждебна стремлению к такому счастью и такой свободе. Человек вынужден руководствоваться принципом реальности и соглашаться на сильно урезанные счастье и свободу, ограничиваясь при этом, в основном, негативными целями – устранения или уменьшения страданий. «Задача избежать страдания вытесняет на второй план стремление к удовольствию» [13, с. 77]. Итак, по Фрейду, истинная свобода и истинное счастье состоят в беспрепятственном удовлетворении чувственного влечения, но они практически недостижимы. Поэтому он предлагает делать жизненную ставку на «отрицательные» виды свободы и счастья – самоограничение в стремлении к желаемому и уменьшение страданий. Такой пессимистический вывод демонстрирует, на мой взгляд, слабости антропологического и аксиологического редукционизма, к которым тяготел Фрейд и которыми можно объяснить выхолащивание его понятий счастья и свободы.

Наиболее адекватной и продуктивной мне представляется восходящая к эвдемонизму Аристотеля и развитая в Новое время философская трактовка счастья, идеи которой мы находим, например, у Фомы Аквинского, Дж. Локка, Г.В. Лейбница, Д. Дидро, Дж. Бенгтама, Дж.Ст. Милля, Л. Фейербаха, Э. Фромма. Она представляет счастье целостно, в идеале – как совершенное состояние жизни человека, доставляющее ему длительное глубинное чувство довольства общим течением собственной жизни. В. Татаркевич в классической работе «О счастье» выделяет такую трактовку в качестве предпочтительной и дает соответствующую ей кратчайшую характеристику счастья в словах: «*положительный баланс* жизни, если он *ощущается* положительно» [14, с. 81].

Надо сказать, что близкое этому понимание счастья используется сейчас в крупных проектах по изучению положения дел с ценностями и благополучием в мире, например, в уже упоминавшихся WVS, WHR. Это относится и ко многим исследованиям в области позитивной гуманистической психологии, в частности, к ведущимся уже больше 40 лет под руководством Р. Райана и Э. Деси в рамках международных программ, основанных на теории самодетерминации [15, 16].

В статье «К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости» Д.А. Леонтьев, разрабатывающий идеи гуманистической психологии, исследует проблему счастья на материале истории философии и современных эмпирических и теоретических изысканий. Он находит соответствие полученных результатов представлениям Аристотеля об эвдемонии и А. Маслоу о категориях мотивационных процессов. Автор фиксирует наличие, по крайней мере, двух качественно различных уровней счастья.

На низшем уровне располагается «счастье-минимум», достигаемое через удовлетворение базовых потребностей. Оно не индивидуализировано, поскольку не основано на личностной самореализации. Д.А. Леонтьев поясняет: «Такое счастье может быть подарено или обеспечено

другим человеком или государством, его можно купить за деньги <...>. Оно имеет верхний предел, который можно считать психологической нормой, а недостаточный уровень — отклонением» [17, с. 42].

На высшем уровне находится «счастье-максимум» — «индивидуальное, связанное со смыслом, деятельностью и добродетелью; именно его Аристотель называл эвдемонией» [17, с. 41]. Каждый создает его сам. Такое счастье «нельзя дать или установить как норматив, но можно только найти в осмысленной деятельности. Оно не имеет ни верхнего предела, ни стандартов для сравнения и вообще с трудом измеримо количественно, зато его качественно-феноменологическая характеристика оказывается весьма значимой» [17, с. 42]. Счастье-максимум выражает «меру реализованности смысла жизни или личного экзистенциального проекта» [17, с. 44]. После того, как базовые потребности удовлетворены, увеличение доходов все меньше влияет на прибавление счастья. Его ощутимый прирост происходит, когда люди продвигаются в достижении жизненных целей, ориентированных на эту программу-максимум.

Из рассуждений Д.А. Леонтьева следует, что такого рода счастье, для которого не установлено стандартов и верхних пределов, создается свободным личностным выбором, самодерминацией, развитием своих сил и возможностей. Для меня очевидно, что данным образом ориентированный человек примет, в качестве приоритетных, ценности самовыражения, включающие личностный рост и свободное самоопределение. Поэтому в тех обществах, где больше возможностей не только для удовлетворения базовых потребностей, но и для свободного жизненного выбора, открытого для всех граждан, выше показатели счастья и значимость ценностей самовыражения. Данная взаимосвязь в ее различных аспектах хорошо прослеживается по результатам всемирного исследования ценностей, что показывает Инглхарт в главе «Меняющиеся источники счастья» своей монографии [4, с. 198–239].

В работе нидерландских социологов Р. Винховена и Г. Брюле «Свобода и счастье по странам: Почему финны счастливее французов» рассматривается, на материале современных глобальных исследований, вопрос о соотношении свободы и счастья у различных народов. В соответствии с принятым в исследованиях WVS и WHR подходом к пониманию общего смысла этих идей, в статье нидерландских авторов степень свободы определяется тем, насколько широки объективные и субъективные возможности человека самостоятельно делать жизненный выбор и контролировать свою жизнь. Степень счастья оценивается мерой того, насколько хорошо человек чувствует себя в жизни и любит ее, насколько она соответствует его идеалу жизни. Авторы статьи констатируют, что свобода входит в число основных «предикторов» счастья и что в «богатых странах» ее вклад в счастье особенно велик. Они приходят к заключению, что финны существенно счастливее французов, хотя их страны близки по всем основным социальным факторам счастья (доходы, социальное обеспечение и равенство, качество управления и верховенство права), кроме одного — свободы. Финны счастливее потому, что чувствуют себя более свободными, их реальная свобода больше, и «дело не только в том, что в финском обществе меньше ограничений, но и в том, что финны обладают большей решимостью быть свободными» [18].

Обратим внимание на то, что выбор финнами свободы и других ценностей самовыражения в качестве приоритетных способствует тому, что Финляндия, по данным WHR, на протяжении всего периода исследований с 2011 года занимает высокие позиции во всемирных рейтингах счастья, а с 2018 года по настоящее время — возглавляет их. Примечательно, что, согласно данным WHR 2018, «Финляндия располагается на первом по уровню счастья иммигрантов за 2005–2017 годы» [19, с. 30].

Наличие положительной связи между свободой от внешних ограничений, величиной ценности свободы, ценности личностной самореализации и уровнем счастья подтверждается результатами, представленными в статье Р. Винховена и А. Абдур Рахмана «Свобода и счастье по странам. Синтез исследований». Авторы показывают, что в таких странах как Финляндия, где минимальны

ограничения и продолжается расширение внешних возможностей свободы, что должно затруднять выбор, возлагать больше ответственности на индивида и усложнять взаимоотношения, межличностные и институциональные, уровень счастья остается высоким и не снижается. Свободы не становится «слишком много». Люди «справляются» с растущей свободой, потому что «растет их способность к выбору», они «становятся более образованными, а их культуры – более индивидуализированными» [20]. Таким образом, «бремя свободы» для развитой личности не только не препятствует счастью, но и является необходимым для ее счастливой жизни.

Широкие возможности свободы в том или ином обществе, как уже отмечалось, находятся в прямой связи с другим фактором благополучия – социальным доверием. Его разные проявления исследователи проекта WHR фиксируют, замеряя уровни социальной поддержки, благотворительности, восприятия коррупции. Во Всемирном докладе о счастье 2020 года есть глава «Скандинавская исключительность: Почему скандинавские страны постоянно находятся в числе самых счастливых в мире», написанная специалистами из Финляндии, Швеции и Дании. Они считают, что феномен «скандинавского счастья» определяется, главным образом, тем, что в скандинавских странах, как и в ряде других, близких к ним по рейтингам счастья, особенно высоки уровни свободы жизненного выбора и доверия, как социального (горизонтального), так и вертикального (институционального). Поясню, что суть такого рода доверия состоит в том, что человек рассчитывает на благорасположенность и содействие других людей – властей и сограждан – в реализации его прав и законных интересов.

Авторы приходят к выводу: «Для скандинавских стран характерен добродетельный круг, в котором различные ключевые институциональные и культурные показатели хорошего общества вписываются друг в друга. Среди них – хорошо функционирующая демократия, щедрая и эффективная социальная поддержка, низкий уровень преступности и коррупции и довольные жизнью граждане, которые чувствуют себя свободными и доверяют друг другу и правящим институтам» [21, с. 140].

В моей статье «О совместимости ценностей счастья и свободы» эти две ценности рассматриваются в их взаимосвязи и развитии [22]. Открывающееся в этом ракурсе понимание счастья, охватывающее его в целостности и динамике от низшего уровня к высшему, внутренне связанному со свободой и личностной самореализацией, позволяет представить их *совокупный рост в качестве смысла и критерия человеческого развития, общего показателя социального прогресса*. Петр Васильевич Алексеев, исследуя проблему прогресса, в частности, размышляя над упомянутыми выше идеями П.А. Сорокина, объединяет счастье и свободу в единый комплекс, который, как он полагает, на мой взгляд, вполне обоснованно, должен рассматриваться как интегративный гуманитарный критерий прогресса. Уровень счастья и свободы людей, составляющих тот или иной социум, есть общее мерило его развитости, «ведущий самостоятельный критерий, по отношению к которому все остальные есть либо его конкретизация, либо условия и предпосылки» [23, с. 374].

Доверие и опыт пандемии 2020–2021

В условиях пандемии коронавируса COVID-19 накапливаются свидетельства того, что страны с высоким уровнем свободы и доверия в целом лучше справляются с этим тяжелым кризисом. Группа финских ученых провела сопоставительное исследование по европейским странам, выясняя влияние социальных и управленческих факторов на смертность, вызванную коронавирусом. Его результаты опубликованы онлайн 24 апреля 2020 года в статье «Регулирование и доверие: 3-месячное исследование по смертности от COVID-19 в 25 европейских странах». Авторы показывают, что институциональное доверие, наряду со своевременными ограничениями и малой социальной контактностью, являются основными факторами, определяющими относительно низкий уровень смертности в ряде скандинавских стран [24].

П.Д. Тищенко подкрепляет мысль о ключевой роли социального доверия в борьбе с пандемией, утверждая, что она продемонстрировала необходимость дополнить принцип автономии современного здравоохранения принципом солидарности, совместной заботы об общем благе. «Однако солидарность не может быть обеспечена в приказном порядке, опираясь на дисциплинарные полицейские санкции. Она строится лишь на доверии между гражданами, медициной и обществом» [25, с. 43].

Эти выводы подтверждаются данными WHR 2021 на материале исследований глобального охвата. Ведущая тема доклада – влияние пандемии Covid-19 на благополучие народов и результаты борьбы властей разных стран с нею. Выявлены наиболее значимые факторы успешного противостояния пандемии: во-первых, доверие граждан к властям, друг к другу и уровень равенства доходов; во-вторых, учет опыта борьбы с предшествующими пандемиями и принятие эффективных мер по пресечению распространения инфекции [26, с. 7]. Кроме того, обнаружилась положительная корреляция между нахождением женщины во главе страны и относительно низким уровнем смертности. «Наличие женщины-лидера снижает уровень смертности на 19 человек на 100 000 населения» [26, с. 46].

Таким образом, современный опыт преодоления тяжелых кризисов, глубоко затрагивающих жизненные интересы значительной части общества, свидетельствует о том, что доверие и свобода вовсе не противоречат целям безопасности, а напротив, благоприятствуют достижению этих целей. Возможно, что уроки пандемии 2020–2021 годов послужат укреплению позиции эмансипационных ценностей и ценностей самовыражения не только в скандинавских странах, но и в мире в целом.

Заключение

Отдавая предпочтение ценностям выживания перед всеми другими, мы не только пожертвуем своей свободой, доверием к людям и институтам, личным достоинством и счастьем, но ослабим и свою экзистенциальную безопасность, усугубляя различного рода социальные конфликты и расколы, как на локальном, так и на глобальном уровне. Это будет неадекватным ответом на вызов эпохи, попыткой очередного бегства от свободы, препятствующей конструктивному решению проблем, обусловивших ухудшение положения значительной части социума. Разрушительный потенциал насильственных способов конфронтации с развитием современных технологий существенно увеличивает риск подрыва основ благополучия жизни на планете.

Полагаю, мы снова вошли в полосу конфликта между цивилизационной периферией культуры и ее личностно-гуманистическим ядром. В этих ситуациях усиливается страх перед будущим и желание отказаться от достижений настоящего, спрятаться в том, что кажется безопасным прошлым. Вместо того, чтобы двигаться по пути положительной свободы, сознательными усилиями подчиняя цивилизационные достижения, связанные с развитием цифровых технологий и глобализации, гуманистическим целям, предлагается фактически отход и от цивилизационных, и от собственно культурных – личностно-гуманистических достижений. Если мы все-таки допустим этот отход, то, можно предположить, что быстро накопится весьма горький опыт несвободы, разобщения и незащищенности, и люди будут с ностальгией вспоминать времена, когда ценности самовыражения были в приоритете. Вполне вероятно, что это приведет к росту притягательности прежних идеалов и произойдет новый культурный поворот, в ходе которого гуманистические ценности начала XXI века – свободы, личностной самореализации, солидарности и культурного многообразия – вернутся на первые позиции, получив поддержку куда более сильную, чем на предшествующем этапе их подъема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. World Values Survey // URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 15.07.2021).
2. **Инглхарт Р., Вельцель К.** Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., Новое издательство, 2011. 464 с.
3. **Вельцель К.** Рождение свободы. М., ВЦИОМ, 2017. 403 с.
4. **Инглхарт Р.** Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., Мысль, 2018. 347 с.
5. **Селезнева А.В.** Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 3. С. 20–32. DOI: 10.18721/JHSS.11302
6. **Плевако Н.С.** Национализм и правый популизм в Скандинавских странах и Финляндии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №3. С. 63–69. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320186369>
7. **Плевако Н.С.** Финляндия: электоральные итоги 2019 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 4. С. 27–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420192731>
8. World Happiness Report 2019 / Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. (Ed.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2019. 134 p.
9. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЭСКО. Париж, Издательство ЮНЭСКО, 2005. 239 с.
10. **Паин Э.А.** Нациофобия и национал-популизм: взаимосвязь в условиях глобализации // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 30–46. DOI: 10.31857/S086904990006560-8
11. **Паин Э.А.** Возможно ли в глобализирующемся мире формирование и развитие национальных государств? Лекция прочитана в рамках второй Международной дискуссионной школы GAIDPARK-Армения. 13.07.2018 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=mrzWv_WajV4 (дата обращения: 15.07.2021).
12. **Сорокин П.А.** Социологический прогресс и принцип счастья // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., Политиздат, 1992. С. 507–513.
13. **Фрейд З.** Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., Ренессанс, 1992. С. 65–134.
14. **Татаркевич В.** О счастье и совершенстве человека. М., Прогресс, 1981. 368 с.
15. **Риан Р.М., Деци Е.Л.** Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. N.Y., Guilford Press, 2017. 756 p.
16. **Риан Р.М., Куррен Р.Р., Деци Е.Л.** What humans need: Flourishing in Aristotelian philosophy and self-determination theory // The Best within Us: Positive Psychology Perspectives on Eudaimonia. / Waterman, A.S. (ed.) Washington, APA, 2013. Pp. 57–75.
17. **Леонтьев Д.А.** К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011. № 5. С. 34–46.
18. **Brulé G., Veenhoven R.** Freedom and happiness in nations: Why the Finns are happier than the French // Psychology of Well-Being: Theory Research and Practice. 2014. Vol. 4. No. 17. URL: <https://psywb.springeropen.com/articles/10.1186/s13612-014-0017-4> (дата обращения: 15.07.2021). DOI: 10.1186/s13612-014-0017-4
19. World Happiness Report 2018 / Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. (Ed.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2018. 168 p.
20. **Abdur Rahman A., Veenhoven R.** Freedom and happiness in nations: A research synthesis // Applied Research on Quality of Life, Springer, Open Access. 2018. Vol. 13. No. 2. Pp. 435–456. URL: <https://doi.org/10.1007/s11482-017-9543-6> (дата обращения: 15.07.2021). DOI: 10.1007/s11482-017-9543-6
21. World Happiness Report 2020 / Helliwell, J., Layard, R., Sachs, J. & De Neve, J.-E. (Eds.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2020. 151 p.
22. **Рахманкулова Н.Ф.** О совместимости ценностей счастья и свободы // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 55–65. DOI: 10.31857/S004287440007162-3
23. **Алексеев П.В.** Власть. Философия. Наука. М., Проспект, 2014. 448 с.
24. **Oksanen A., Kaakinen M., Latikka R., Savolainen I., Savela N., Koivula A.** Regulation and Trust: 3-Month Follow-up Study on COVID-19 Mortality in 25 European Countries / JMIR Public Health

and Surveillance. 2020. Vol. 6 No. 2. e19218. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7184967/> (дата обращения: 15.07.2021). DOI: 10.2196/19218

25. **Тищенко П.Д.** «Время убивать, и время врачевать»: человек в ситуации пандемии COVID-19 // Человек. 2020. Т. 31, № 6. С. 31–49. DOI: 10.31857/S023620070013081-6

26. World Happiness Report 2021 / Helliwell, J., Layard, R., Sachs, J. & De Neve, J.-E. (Eds.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2021. 208 p.

Статья поступила в редакцию 20.07.2021.

REFERENCES

[1] World Values Survey. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (accessed: 15.07.2021).

[2] **R. Inglehart, C. Welzel**, Modernizatsiya, kulturnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. M.: Novoye izdatel'stvo, 2011.

[3] **C. Welzel**, Rozhdeniye svobody [Freedom Rising]. M.: VCIOM, 2017.

[4] **R. Inglehart**, Kulturnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskiye motivatsii i kak eto men'yayet mir [Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World]. M.: Mysl, 2018.

[5] **A.V. Selezneva**, Political values of the Russian youth: Socio-cultural features and identification potential, Society. Communication. Education, 11 (3) (2020) 20–32. DOI: 10.18721/JHSS.11302

[6] **N. Plevako**, Natsionalizm i pravyy populizm v Skandinavskikh stranakh i Finlyandii [Nationalism and Right-wing Populism in the Nordic countries and Finland], Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS], 3 (2018) 63–69. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320186369>

[7] **N. Plevako**, Finlyandiya: elektoralnyye itogi 2019 [Finland: Electoral Results 2019], Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS], 4 (2019) 27–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420192731>

[8] World Happiness Report 2019, Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. (Ed.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2019.

[9] Towards knowledge societies: UNESCO world report. P., UNESCO Publishing, 2005.

[10] **E. Pain**, Natsiofobiya i natsional-populizm: vzaimosvyaz v usloviyakh globalizatsii [Nation-Phobia and National Populism in a Globalizing World], Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World], 5 (2019) 30–46. DOI: 10.31857/S086904990006560-8

[11] **E. Pain**, Vozmozhno li v globaliziruyushchemsya mire formirovaniye i razvitiye natsionalnykh gosudarstv? Lektsiya pročitana v ramkakh vtoroy Mezhdunarodnoy diskussionnoy shkoly GAIDPARK-Armeniya [Is the Formation and Development of Nation States possible in a Globalizing World? Lecture delivered at the Second International School of Discussion GAIDPARK-Armenia. 13.07.2018]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=mrzWv_WajV4 (accessed: 15.07.2021).

[12] **P.A. Sorokin**, Sotsiologicheskiy progress i printsip schastiya [Sociological Progress and the Principle of Happiness]. In: P.A. Sorokin, Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [Person. Civilization. Society]. M.: Politizdat, 1992, pp. 507–513.

[13] **Z. Freud**, Nedovol'stvo kulturoy [Dissatisfaction with culture]. In: Z. Freud, Psikhoanaliz. Religiya. Kultura [Psychoanalysis. Religion. Culture]. M.: Renaissance, 1991, pp. 65–134.

[14] **V. Tatarkevich**, O schastye i sovershenstve cheloveka [About human happiness and perfection]. M.: Progress, 1981.

[15] **R.M. Ryan, E.L. Deci**, Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. N.Y., Guilford Press, 2017.

[16] **R.M. Ryan, R.R. Curren, E.L. Deci**, What humans need: Flourishing in Aristotelian philosophy and self-determination theory. In: The Best within Us: Positive Psychology Perspectives on Eudaimonia, Waterman, A.S. (ed.) Washington, APA, 2013, pp. 57–75.

[17] **D.A. Leontiev**, K antropologii schastya: sostoyaniye blagopoluchiya i put radosti [Toward an anthropology of happiness: the state of well-being and the way of enjoyment], *Chelovek [The Human Being]*, 5 (2011) 34–46.

[18] **G. Brulé, R. Veenhoven**, Freedom and happiness in nations: Why the Finns are happier than the French, *Psychology of Well-Being: Theory Research and Practice*. 4:17 (2014). Available at: <https://psywb.springeropen.com/articles/10.1186/s13612-014-0017-4> (accessed: 15.07.2021). DOI: 10.1186/s13612-014-0017-4

[19] World Happiness Report 2018, Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. (Eds.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2018.

[20] **A. Abdur Rahman, R. Veenhoven**, Freedom and happiness in nations: A research synthesis // *Applied Research on Quality of Life*, Springer, Open Access, 13 (2) (2018) 435–456. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11482-017-9543-6> (accessed: 15.07.2021). DOI: 10.1007/s11482-017-9543-6

[21] World Happiness Report 2020, Helliwell, J., Layard, R., Sachs, J. & De Neve, J.-E. (Eds.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2020.

[22] **N.F. Rakhmankulva**, About the Compatibility of the Values of Happiness and Freedom, *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*, 10 (2019) 55–65. DOI: 10.31857/S004287440007162-3

[23] **P.V. Alekseev**, *Vlast. Filosofiya. Nauka [Power. Philosophy. Science]*. M.: Prospect, 2014.

[24] **A. Oksanen, M. Kaakinen, R. Latikka, I. Savolainen, N. Savela, A. Koivula**, Regulation and Trust: 3-Month Follow-up Study on COVID-19 Mortality in 25 European Countries, *JMIR Public Health and Surveillance*. 6 (2) e19218 (2020). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7184967> (accessed: 15.07.2021). DOI: 10.2196/19218

[25] **P.D. Tishchenko**, “Time to Kill, and Time to Heal”: The Human Being in a COVID-19 Pandemic, *Chelovek [The Human Being]*, 31 (6) (2020) 31–49. DOI: 10.31857/S023620070013081-6

[26] World Happiness Report 2021, Helliwell, J., Layard, R., Sachs, J. & De Neve, J.-E. (Eds.). N.Y., Sustainable Development Solutions Network, 2021.

Received 20.07.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Рахманкулова Нэлли Фидаиевна

Rakhmankulova Nelli F.

E-mail: nrahmankul@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021